

18+

АВРОРА ЛИВРОВА

При и после жизни Лары

ФАНТАСМАГОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Аврора Ливрова

При и после жизни Лары.

Фантазмагорический очерк

<https://litres.ru/74156263>

ISBN 9785007028578

Аннотация

Лара с детства задавалась вопросами о смысле жизни — не только собственной, но и всего на Земле. Попад после смерти в загробный мир, она получит на них ответы. Читатель проходит вместе с ней оба пути, но композиция инверсивна: «Ответы» предшествуют «Вопросам». Идеально для тех, кто при чтении борются с искушением подсмотреть развязку: в самом начале узнаём, чем дело кончится. Правда, в книге спрятан один вопрос, над которым души думают на небе, тогда как ответ Лара угадала в ходе земной жизни.

Содержание

Ответы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

При и после жизни Лары Фантасмагорический очерк

Аврора Ливрова

Автор бережно относится к чувствам всех верующих независимо от их конфессий и просит воспринимать настоящую книгу как произведение сузубо художественное, описывающее мир вымышленный, который не имеет никакой связи с миром, где живём мы¹.

© Аврора Ливрова, 2026

ISBN 978-5-0070-2857-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ответы

На момент моего ухода с Земли на ней остались мой престарелый отец (ветеран труда и всех войн ** века), бывший, но по-прежнему любимый супруг и взрослая дочь, собиравшаяся выйти замуж. Из-за траура по мне свадьбу отсрочили на год.

Попадая на *тот* свет, души получают полную свободу. Небесные порядки куда демократичнее земных. Тот, кого у живых принято величать Божеством (мы здесь называем его г-н В***), не контролирует наши дела. Каждый вечер он даёт бал. На нём можно встретиться со всеми умершими (за исключением тех, кто, переродившись, сейчас снова обитает на Земле).

В первую очередь, отделившись от тела, я отыскиала свою мать, Марию. Она покинула нас двадцать пять лет назад и с тех пор ждала меня, не перевоплощаясь. Иногда приходила ко мне во сне, если мне требовалась поддержка. Незадолго до моей смерти явилась видением, чтобы позвать за собой. Настроить на предстоящий уход.

Я скончалась в возрасте сорока восьми лет вследствие тяжёлой болезни.

Отец ропщет на врачей: оттого что эти посторонние безразличные люди с медицинскими дипломами и опытом обречённого лечения безнадёжных больных оказались правы

в своих прогнозах больше, чем он, веривший в чудеса и совершенно не разбиравшийся в здравоохранении, ему вдвойне тягостно на сердце. Ему видится что-то в корне неверное в устройстве мира, где некто чужой способен предречь тебе горе, а ты обязан смириться, ибо ничего нельзя поделать. Смерть близкого человека из тех событий, на которые невозможно морально настроиться, даже если о них предупреждён.

На собственных похоронах я присутствовать не стала. Многие души посещают проводы своего земного тела, чтобы попрощаться с ним. Я не пожелала. Хотя я и знала, что мои родственники приложат максимум стараний, чтобы обеспечить торжественность церемонии и точное следование моим прижизненным указаниям относительно погребения, мне всё равно наверняка бы что-нибудь не понравилось. Я понимала, что после трёх дней в морге не могла выглядеть хорошо. А ведь я все годы крайне трепетно относилась к своей внешности и до последнего дня следила за тем, чтобы оставаться красивой. Я решила запомнить своё тело в той форме, в которой поддерживала его, покуда это от меня зависело. Чтобы не разочаровываться, в день похорон я подобрала себе другие занятия.

Зато могилу свою теперь проводываю часто. Когда приходят лишённые совести вору, я останавливаю их грозovým шквалом: порывистый ветер не даёт им двигаться вперёд, растущие с двух сторон от моего памятника ель и берёза

заставляют отступить — одна швыряет им в лицо, подобно пулемётной очереди, сноп иголок, другая хлещет по плечам тонкими хворостинами-ветвями.

Бездомных, собирающих после Пасхи куличи и крашенные яйца, которые по традиции оставляют на кладбище родственники покойных, я не трогаю. Пусть не голодают. Мы всё равно такое не едим. У нас другая пища.

А мои любимцы — это кладбищенские суслики. Они снуют по могилам, шустрые и забавные зверьки, *оживляя* местную обстановку. Им тут раздолье: тишина, полевые травы, остатки еды. Я и при жизни любила наблюдать за животными. Одна пара обустроила норку совсем рядом с моим памятником.

Цветы, которые приносят мои близкие, не вянут. Когда я была жива, все удивлялись, насколько долго стояли у меня все букеты, которые мне когда-либо дарили. Моя энергия так влияет на них, и ничего не изменилось. Моя дочь считает это чудом. Пусть.

При жизни меня звали Лара. Лариса Ивановна Камышова, как написали на мраморном памятнике.

Я всегда слыла общительной, а потому и после смерти поспешила познакомиться с моими соседями по кладбищу.

Слева от меня похоронены отец и сын. Оба дожили до глубокой старости и умерли от сердечного приступа. Их вдовы похоронены в других местах, каждая рядом со своими родителями. А дети и внуки навещают могилу предков строго по

праздникам, несколько раз в год. Поддерживают её в чистоте и порядке, но всё время спешат: обновив траурные венки, не тратят ни единой лишней минуты, чтобы *предаться скорбным воспоминаниям*. Такова молодость.

Наискосок направо от меня — могила совсем юной девушки, погибшей около года назад в авиакатастрофе. Убитые горем родители воздвигли ей самый роскошный на всём кладбище памятник. Душа дочери планирует вскоре переродиться в чайку, чтобы проводывать их и шелестом своих крыльев постепенно приносить им утешение. Время лечит.

Ещё я подружилась с душой мужчины, который похоронен напротив меня через дорогу. Несколько лет назад он умер от той же болезни, что и я. Ему едва исполнилось сорок лет. На могилу часто приходит плакать седоволосая, но красивая женщина. Его земная возлюбленная, с которой они, по казавшимся тогда весомыми причинам, так и не поженились. Он говорит, что дождётся её, и, воссоединившись однажды на балу господина В***, они вместе решат, возвращаться ли им на Землю.

Мой сосед проходил земную жизнь трижды: ранее он был средневековым викингем, а на пару столетий позже — бобром. В третий раз вновь решил на судьбу человека.

Вообще души не слишком любят бывать на Земле. Но нужда заставляет. Только в ходе жизни мы можем заработать

куприды — валюту, за которую в загробном мире покупается всё. Если наслаждаться свободой и вечным отдыхом, то куприды не очень-то нужны. В царстве господина В*** достаточно вообразить желаемое, чтобы получить его в точности. Здесь сбывается мечта деятельных натур — никогда не спешить, но всё успевать. Но не все души довольствуются беззаботностью и праздностью: есть неугомонные, которым надо или хочется влиять на мироздание. Вот тогда им приходится отправляться на заработки.

Больше всего ценится жизнь человеческая. Она самая трудная, так как у людей наиболее высокая ответственность за их поступки и помыслы. Не каждая душа решается на этот путь, большинство ищет «лёгких денег», предпочитая по-быстрому подзаработать на Земле в облики животного или насекомого. Именно поэтому жуков на планете во все времена было в миллионы раз больше, чем людей. Среди нас знаменита одна душа по прозвищу Марипоса². Она частенько отправляется в командировку, но всегда строго на одни сутки — в облике бабочки-подёнки³. Говорит, что дольше нескольких часов на Земле не выдержит, а между тем иметь запас купридов на карманные расходы ей важно.

² В переводе с испанского *mariposa* означает «бабочка».

³ Подёнки известны также под латинским названием *Ephemeroptera*, которое, в свою очередь, восходит к древнегреческим словам *ἐφήμερος* — однодневный и *πτερόν* — крыло. Взрослая стадия (имаго) этих крылатых насекомых длится в среднем около одного дня, после чего они погибают, в их организме не предусмотрена возможность питаться: кишечник заполнен воздухом.

Нечеловеческие судьбы, впрочем, оплачиваются по разным тарифам. Почему-то г-ну В*** меньше нравятся животные с развитой индивидуальностью, чем те, чьё существование биологически завязано на самопожертвовании ради сохранения вида. Весьма щедрые гонорары от него получают те, кто возвращаются после жизни, казалось бы, максимально лишённой личного смысла: моноциклические рыбы, обречённые погибнуть сразу после нереста, рабочие пчёлы, которые не продолжают род, а лишь трудятся на износ во благо улья. За короткое и бесславное существование в таком облике получишь куда больше, чем если предпочтёшь, например, провести несколько десятилетий в красивой шкуре тигра.

Пока душа в командировке, она, по условиям контракта с г-ном В***, не имеет доступа ни к знаниям о загробном мире, ни к памяти о собственных прежде принятых решениях. Так, я лишь после смерти вспомнила, что, отправляясь на Землю, сама подписала согласие на несчастливую судьбу, тяжёлую болезнь и мучительную кончину. За такие вещи платят в двойном размере. При жизни же я роптала, кто и за что послал мне столько испытаний. Но всё происходило исключительно по предварительному уговору.

На самом деле есть два способа как следует обогатиться: совершить много хорошего и выдающегося или претерпеть множество страданий. Проблема в том, что вероятность первого просчитать при планировании командировки нельзя

никак. В небесном царстве все души в равной степени благородны, но их характер на Земле складывается непредсказуемо. Величайшие тираны, возвращаясь на бал к господину В***, ничем не отличаются от тех, кто при жизни были меценатами или святыми. Здесь нет понятия зла и греха, но предохраниться от его проникновения в себя во время командировки способа не существует. Бывает, что одна и та же душа в какой-то из реинкарнаций отличается кротостью и филантропией, а в следующей превращается в преступника.

В контрактах не предусмотрены штрафы: сколько ни грешь, ниже базовой ставки не свалишься. Но если совсем не заслужить надбавок, голый оклад за человеческую жизнь как таковую слишком скуден, на него не разгуляешься. Поэтому души и вписывают себе в договора всякие несчастья: они дают гарантии дополнительных выплат, даже если угораздит не совершить ничего доброго в рамках земной жизни со свободой выбора. И, разумеется, все мы понимаем, какая ерунда — потерпеть некое количество лет моральных и физических мучений, если в итоге всё равно вернёшься сюда, на бал, да ещё и с доходом.

Единственная душа, которая побывала на Земле лишь единожды, — это Фаулах. Древнегреческий философ уникален тем, что, обогатившись за время своей жизни, насколько ему позволили его великие труды и вошедшие в историю мудрые деяния, за последующие тысячелетия он так и не нашёл, на что потратить свои куприды. Умирая, он не оста-

вил на Земле ни единой привязанности, ему не о ком было заботиться, попав в подданство господина В***. Когда же впоследствии происходили те или иные катаклизмы, Фаулаха всегда опережал какой-нибудь Иисус или Будда, который на свои куприды покупал спасение планеты. Старик Фаулах шутит, что поджидает конца света: тогда-то его запас и пригодится, если ни у кого из менее экономных душ не окажется достаточной суммы, чтобы предотвратить глобальную катастрофу. Фаулаха никто не понимает, но все уважают. На балу он сидит по правую руку от господина В*** и никогда не танцует.

Дешевле всего стоят сны. «Обычный» сон — такой, который человек, скорее всего, наутро забудет, вряд ли придав ему значение, — можно заказать всего за один куприд. В таких снах тем не менее есть смысл: через них можно повлиять на подсознание или настроение спящего. А вот если хочется купить один из тех, что на Земле с большей вероятностью сочтут вещим, он обойдётся от двух до десяти купридов в зависимости от того, аллегоричен он или же скорее правдоподобен.

Совсем до нуля души баланс на своих купридных счетах почти никогда не доводят, поэтому любой из нас может позволить себе послать кому-то из живущих символический сон в надежде передать через него подсказку или предосте-

режение, подбодрить или напутствовать. Риск в том, что зашифрованное подобным образом послание зачастую остаётся неверно интерпретированным или оставленным без внимания. Поэтому для желающих влиять на земные события более гарантированно предусмотрены способы подороже.

Помимо снов, которые видят все люди и которыми мало кого удивишь, мы вправе вступать с живыми в прямые диалоги — являть им откровения в пророческих видениях, чья стоимость варьируется от ста до тысячи купридов. Даже разовая такая акция воздействует на личность весьма серьёзно: не понять или проигнорировать посыл получатель не сможет, зато вполне сможет прослыть сумасшедшим в глазах окружающих или сам счесть себя таковым. А уж если начать инвестировать в кого-то куприды этим методом на регулярной основе, то сделаешь из человека юродивого. Или экстрасенса. Смотря в какую эпоху он живёт и как обществом воспринимается способность общаться с духами и давать предсказания.

Управление погодными условиями обходится нам примерно в том же ценовом диапазоне. Нас забавляет, как земле обвивают метеорологов в неточности их науки из-за частого несовпадения сводок синоптиков с переменчивостью природы, а на самом деле их прогнозы постоянно портим мы. Обеспечить бездождевой денёк для пикника тем, кому мы симпатизируем, или из вредности наслать грозу на неугодных, чтобы спутать им планы, — с такими проделка-

ми получится уложиться в сотню купридов. Но расходы дойдут до тысячи, если потребуется более глобальный контроль над климатом: стихийные бедствия, затяжная засуха, землетрясение — чаще всего что-то негативное, поэтому применением такие методы с осторожностью, только если нет альтернативы, как предостеречь или предотвратить ещё худшее событие, тем более что вкупе с ними идут дополнительные издержки на минимизацию жертв.

От одной тысячи до ста тысяч купридов мы тратим, чтобы спасти жизни: цена варьируется исходя из того, чья именно жизнь интересует, а также единоличное планируется спасение (исцеление от болезни, выживание в несчастном случае) или массовое (смягчение катаклизмов, утихомиривание эпидемий).

Самое дорогое удовольствие — это чудо. Нарушение естественных законов. Цены на право создать аномалию зашкаливают, в отдельных случаях превышают десять миллионов. Качественные чудеса — сущее разорение, поэтому мало кто из душ себе их позволяет, да и то лишь в самых исключительных ситуациях. Оттого-то и люди в них не особо верят: многие на своём веку ни одно застать не успевают. Но зато как им всем хотелось бы, чтобы чудеса были правдой и происходили чаще! Мы бы и рады им это обеспечить, нам экспериментировать с мироустройством очень даже нравится, но, похоже, это не по вкусу господину В***, раз он заломил столь неподъёмные цены.

Г-н В*** создал гениальную экономическую систему, в которой души всегда мотивированы на заработки. Побывав на Земле, они обрастают привязанностями, которые после смерти толкают их тратить куприды. А израсходовав всю получку, они вынуждены снова проситься в командировку. На Земле никогда не бывает пусто, потому что душам всё время надо пополнять сбережения купридов. Не бывает пусто и на небе, потому что земные тела смертны. В проекте господина В*** предусмотрено всё: две плоскости одного мира дополняют друг друга, и механизм действует бесперебойно. По кругу или, вернее, по спирали, души прорабатывают жизнь Земли. Только вот зачем господину В*** всё это нужно, куда никто не догадался.

...Кого только я не повстречала на своём первом балу после возвращения с Земли! Из тех, кого я мечтала повидать, я не застала только Наполеона Бонапарта. Выдающийся император, с присущим ему шиком растратив за несколько столетий половину полученного капитала, переродился в облике пса, сказав, что от человеческих перипетий он устал, но по жизни соскучился. Родиться он предпочёл в подворотне, но, научившись обворожительно вилять хвостом, через пару месяцев обрёл достойную семью. Хозяйка попалась пронывательная: назвала питомца Наполеоном. Императорская поступь и осанка у беспородного кобеля сохранились. Души

верны себе в каждой реинкарнации.

Весельчак Эйнштейн с притворным гневом припомнил мне, как я ненавидела его в годы учёбы в институте: «Ради того ли я разработал теорию относительности, чтобы студенты, держась одной рукой за поручень, а в другой сжимая учебник, зазубривали её переложение по дороге на пары? И чтобы (почти не коверкая) моё имя шептали на экзаменах, думая не обо мне, не о моём открытии, не о его пользе и возможностях его применить, а о том, как пережить этот день, не замарав свою биографию низкой оценкой...» Я и не предполагала, что великие учёные так пристально следят *с небес* за всеми, кто избрал профессией поприще, на котором они трудились при жизни. Эйнштейн ещё как прав: за значимые изобретения души по возвращении с Земли получают от г-на В*** крупные премии, но те, кто остаются на планете, ради кого и развивается наука, не всегда в силах по заслугам оценить их вклад.

Прогуливаясь по величественно обставленной бальной зале, я выискивала глазами интересовавших меня. Вот душа той, кто при жизни была моей любимой певицей. С подросткового возраста я стала её преданной поклонницей, слушала аудиозаписи её песен, многие знала наизусть. «Расцветает черёмуха в мае...» Подошла, пообщались. Здесь мы равны. А на Земле я, простая провинциалка, так и не накопила денег, чтобы попасть на концерт столичной звезды. Так и не исполнила мечту взять автограф. Когда пять лет назад в но-

востной программе услышала о её уходе в царство г-на В***, о котором тогда ничего не подозревала, искренне расплакалась. Теперь мы наконец познакомились. Даже подружились.

С удивлением встретила на балу своего одноклассника — забытую, но незабвенную первую любовь. Для меня сюрпризом стало, что и он уже не на Земле. Опредил меня всего на несколько дней и поджидал, чтобы на первом же моём загробном балу пригласить на танец. В детстве мы так и не потанцевали. Их семья переехала из города, когда мы учились в старших классах, и окончание учёбы мы отмечали порознь. А после постепенно и вовсе потеряли связь. Дороги разошлись, мы не были в курсе, что почти одновременно заболели. И с разницей в неделю покинули тела. Не выпускной, так иной бал подарил нам медленный танец.

Куда тратить свои куприды, я ещё не придумала. Особым альтруизмом я никогда не отличалась: ни до, ни во время жизни, ни после. Поэтому пока, если и заказываю что-то по мелочи, то лишь для охраны собственной могилы да в интересах моих близких.

В царстве господина В*** мы все ровесники, наш возраст — вечность. Тем любопытнее наблюдать, как спорят об опыте и мудрости разные поколения на Земле. Молодёжь обижается, когда люди постарше над ними иронизируют, но это естественно: себя в каждую пору считаешь умненьким, потому что *уже так много прожил*. И по мере увеличения этого *так много* не воспринимаешь всерьёз тех, кто плетётся

позади, проделав ещё лишь малую в сравнении с тобой часть того же пути.

На дочь я, попав сюда, посмотрела другими глазами. Скрытная по натуре, она мало откровенничала со мной, а я не всегда её понимала. Теперь же оказалось, что во многом она лучше, чем я о ней думала. Хотя моя болезнь и кончина явились для неё крупным потрясением, я вижу, что она справится со всем, что приготовляет ей судьба. Тем более рядом с ней жених, который ещё не успел ничем разочаровать. Поэтому не о ней теперь мои главные помыслы и заботы.

Пожилой отец, потерявший единственного ребёнка, хоть и надломлен горем, находит утешение в юной внучке. Так что и не его мне предстоит оберегать.

Ангел-хранитель в моём лице требуется другому человеку.

Прежде он несколько раз бывал на Земле в облиии ворона, а вернувшись в теле мужчины, обрёл имя Георгий.

Когда я была Ларой, я считала, будто мы познакомились с ним, очутившись на соседних беговых дорожках в тренажёрном зале. Освободившись от плоти, я вспомнила, что на самом деле наше знакомство куда давнее и романтичнее.

Все знали его под именем Ворон, он славился красотой и остроумием, и однажды на балу он пригласил меня на танец. Мы разговорились и стали общаться часто. Дело происходило в эпоху, когда на Земле ещё не вышли из моды длинные пышные платья, но их обладательницы всё активнее эманси-

пировались, и как-то раз наше внимание привлекла одна из них, писавшая психологические романы. «Браки заключаются на небесах, но там не заботятся, чтобы они были счастливыми»⁴. Нам понравилось это её изречение, мы посмеялись над ним. И спустя время оно-то и подкинуло нам идею попроситься в командировку одновременно, прописав в договорах условие, что мы найдём друг друга и будем иметь возможность пожениться. В царстве господина В*** свадеб не играют. Если две души, полюбив друг друга, хотят символически закрепить свой союз, единственный способ — провести обряд на Земле, по изобретённым там обычаям. Контрактом можно гарантировать лишь желаемую встречу, но дальше действует принцип свободы выбора. В командировке мы с Вороном не помнили и не узнали друг друга, но почувствовать родственную душу земляне умеют даже в условиях ограниченной информации. Влечение возникло сразу. Я стала женой Георгия. Парадокс в том, что дальше всё развивалось точь-в-точь по цитате госпожи фон Эбнер-Эшенбах: наш брак сложился неудачно. Человеческая природа извращает любовь. Сейчас, взирая на события с высоты небесного царства, я удивляюсь почему. Мы умудрялись сомневаться друг в друге и ссориться из-за таких вещей, которые здесь, у г-на В***, совершенно невозможно расценить как обоснованный повод.

⁴ Цитата австрийской писательницы Марии фон Эбнер-Эшенбах (1830 — 1916)

У нас родилась дочь, но позже мы разошлись, так и не перестав, впрочем, друг друга любить. Я знаю, как тяжело он переживает новость о моей смерти. Тоскует по мне, а вместе с тем ещё хранит обиду на некоторые эпизоды нашей совместной жизни. Я от подобного уже свободна. Жду окончания его командировки. Регулярно снюсь ему. Ищу способы в пределах доступного мне купридного бюджета облегчать его судьбу. Он не слишком успешно по земным меркам справляется: неудачи не ограничиваются распадом нашей семьи, на профессиональном поприще у него тоже складывается не гладко. Он чересчур привык за предыдущие реинкарнации к оперению ворона, к принципам человеческого срока не так просто приспособиться.

На Земле шли годы, у нас шли балы. Через несколько земных десятилетий после поколения моей дочери мы держали совет и в итоге командировали всех, чьего пришествия люди разных религий ожидали как особого знака: Мессия, Майтрея, Иса версия 2.0. Помогло. Бушевавшие на тот момент как никогда неистово мировые войны поутихли. Я сама их во плоти, кстати, не застала: моя не такая уж долгая командировка проскочила как раз между двумя особо кровопролитными. Мне всегда казалось безумно странным, что для людей представляет сложность соблюдать перемирия, из-за чего многие вооружённые конфликты не получается урегу-

лизовать ужас как долго. Ведь бездействовать всегда проще, чем что-либо делать. В чём же тогда для военных проблема не стрелять и не идти в атаку какое-то количество часов или дней? Это же должно быть как выходной для них...

В общем, на какое-то время планета погрузилась в относительное спокойствие. Правда, немалых затрат купридов от нас требовало устранение разных экологических катастроф и опасностей: люди, пока усиленно воевали, доигрались с оружием⁵. Но в целом всё текло своим чередом. А потом вдруг Мишель решил отправиться на Землю счастливым человеком.

Я терзалась впоследствии, оттого что до командировки он делился со мной своими намерениями. Вероятно, следовало его отговорить?

— Я не ради купридов туда иду. Я хочу хорошо провести время в командировке. Почему мы настолько не ценим сами же себя, если постоянно обрекаем свои реинкарнации на мучения? Желаете прилично заработать — будь любезен страдать, не желаете страдать — сиди без денег и не лезь в земные дела. Если счастье и спокойствие — то только здесь. Земля что, создана специально для страданий? Мы проживаем их там и поддерживаем их индустрию, соглашаясь на всё новые подобные командировки. Мне надоело попустительствовать этому замкнутому кругу.

⁵ Реминисценция из антиутопии Татьяны Толстой «Кысь», где «люди играли да доигрались с *аружьем*».

В предыдущей реинкарнации Мишель рано осиротел, став свидетелем гибели своих родителей, воспитывался в неблагополучной среде детского дома, потом по ложному обвинению угодил в тюрьму, где подорвал здоровье, и в сорок лет покончил с собой, разуверившись в будущем. Похоже, этот земной путь впечатлил его, и воспоминания не давали покоя.

Его речи казались мне странными, но не насторожили. Ну хочет Мишель лёгкую командировку — почему бы и нет. В конце концов, на Землю периодически заходят люди везучие и счастливые, это не запрещено, каждый сам волен выбирать, сколько и каких проблем в своём контракте отметить.

Но я ошиблась. Совсем никаких огорчений ни в один период жизни — на такие условия командировки ещё ни одна душа не осмеливалась.

С самого детства Мишель никого не любил: ведь иначе печалью и горечью для него становились бы болезни и заключения, постигающие его близких (они-то контракты на счастье без ограничений не заключали). У него всё получалось, он достигал всего, о чём мечтал, своим поприщем он выбрал науку, но учёный, поправший этику, — это образец всемогущей жестокости. Кроме того, среди знавших его людей — а число таковых множилось, уникальность сделала его всемирно известным — набирали обороты случаи суицида: сам Мишель охотно давал понять, что считает ущербными всех, кто не способен получать от мира столько благ и

наслаждений, сколько он (то есть, проще говоря, всех вообще), и не видит смысла в их жалком существовании. Многих это подталкивало задаться вопросом, в чём и впрямь смысл их жизни, если справедливость, видимо, совсем выродилась, раз всё лучшее достаётся самому бессердечному супостату.

Современники Мишеля с их стандартными контрактами, согласно которым им полагалось немножко похворать, для порядка пострадать и не сильно старыми умереть, теперь всё плохое, что они себе загадали, получали прямо или косвенно от него. Если раньше господину В*** приходилось применять разные инструменты для дурных событий, теперь на все случаи использовался Мишель. Сатана, в которого на Земле принято верить, обретал его черты лица, и всё вселенское зло словно сосредотачивалось в одних руках.

У нас критически не хватало купридов, чтобы противостоять его бесчинствам, а идти на заработки никто не хотел: пока жив Мишель, земные муки обещали быть настолько изощрёнными, что мало кто находил в себе готовность на них отважиться. Планете всерьёз грозило вымирание, количество командировок душ снижалось день ото дня.

Господин В*** смотрел на творившийся беспредел с прищипом ему хладнокровием.

Я не отличалась геройствованием, но решила пообщаться с тем, кто отличался.

— Не хочешь вмешаться? — сразу перешла я к делу, ста-

раясь, чтобы мой голос звучал не слишком гневно.

— Нет, — равнодушно отвечивал Фаулах.

Тут уже я не выдержала и накинулась на него с обвинениями.

— Я рядовая невежественная душа, которая не в силах придумать, что предпринять, но по крайней мере отчётливо осознаю, что предпринять хоть что-нибудь срочно нужно! А тебя за что же почитают великим и люди-земляне, и небожители, если ты бесчувственно попустительствуешь происходящему кошмару? Сам ты что ли столь же чёрств, как Мишель, хотя в отличие от него не на Земле сейчас?

— Может, и так, — усмехнулся старожил небесного царства. — Может, смысл моей стародавней командировки состоял вопреки обыкновению в том, чтобы я при жизни стал добрее. И мне удалось. И премия за это мне выплачена щедрая.

Шутит ли он? Я не стала бы ручаться. На мгновение предположила, что нет. Я даже допустила мысль, не его ли как раз на Земле именуют Дьяволом, но быстро откинула эту версию. Как ни глубоко в древности была его командировка, он не принадлежал к числу первых на свете людей, до его жизни ни сменилось уже несколько эпох, на протяжении которых человечество и страдало, и грешило, а в природе существовали и жестокость хищничества, и гнусность паразитизма. Поэтому теория, что это он своим приходом заразил планету злом, а сам чудесным образом от него очистился, не имела

подтверждения. И потом, если Дьявол противостоит Творцу, то Фаулах по отношению к господину В***, который является режиссёром земных сценариев, сохраняет полнейший нейтралитет. Нужно искать другое объяснение его сущности.

Фаулах перебил мои мысли.

— Есть вещи, которые не продаются за куприды. Если вы, очевидно, не справляетесь повлиять на Мишеля отсюда, сверху, так ступайте вниз, на одно с ним поле. Нужно просто заключить точно такой же контракт, чтобы взаимодействовать с ним на равных.

У меня вырвался взглас изумления.

— Точно такой же? Но мы уже насмотрелись за последние пару десятилетий, чем чревато абсолютное счастье.

Мой собеседник покачал головой, всем своим видом давая понять, сколь несмыслёной считает меня.

— Во-первых, подобное лечится подобным. Во-вторых, одинаковые предпосылки могут приводить к диаметрально разным следствиям. Отсутствие привязанностей должно бы, по логике, порождать безразличие к окружающим, но на нём же зиждется буддийская добродетель, пронизанная сочувствием ко всему живому. Страдания часто ожесточают, провоцируя в душах мстительность и зависть, но история изобилует и примерами праведных мучеников. Благодаря Мишелю мы увидели, как способно развращать счастье, но почему бы не случиться обратному: человек, который полностью удовлетворён, от избытка благополучия мог бы захотеть де-

литься им, приводить других к такому же состоянию, совершая добро и не имея повода испытать негативные чувства.

Я не отвечала, силясь осмыслить его намёки.

— Да и потом, — усмехнулся он, — если ты отправишься в командировку по такому же договору, как и Мишель, ты ничего не теряешь, а только приобретаешь. Переродившись на Земле, ты забудешь всё, что волнует тебя сейчас, и прекратишь беспокоиться, как купить за куприды спасение человечества. Будешь просто наслаждаться жизнью, и никто включая Мишеля тебе в этом не помешает, так как ты от всего плохого будешь на долгие годы застрахована подписанным контрактом.

Я уходила от Фаулаха не с лёгким сердцем, мне не стало от его совета понятнее, как правильно поступить. И тут он окликнул меня.

— А зачем вообще вы все так рвётесь спасти жизнь на Земле?

Такой вопрос застал меня врасплох и поставил в тупик.

— Но как же, ведь мы творим добро...

Фаулах поморщился — как мне показалось, презрительно.

— Знаю-знаю, не забывай, что я-то как раз в отличие от многих его и на Земле творил не покладая рук. С чего вы взяли, что спасти мир — это добро?

Я застыла в глубочайшем недоумении, и он продолжил.

— Зло есть только на Земле. Попадая туда, вы не в со-

стоянии с ним справиться, оно поселяется в большем или меньшем количестве в каждой душе на срок её командировки. Зная об этом, вы, чтобы подстраховаться и не остаться по возвращении без купридов, включаете в свой договор побольше всякой скверны, болезней да несчастий, не задумываясь, что тем самым заранее приумножаете всё то же зло в других его форах. Здесь же у нас ничего подобного нет, правда? Мишель захотел избавиться от внешнего зла во время своей земной жизни (и молодец!), но в противовес сгенерировал его в избытке изнутри. А вы все цепляетесь за заведённый порядок, настойчиво игнорируя его несовершенства. Ибо если Земля опустеет, вам станет нечем заниматься. Ваш досуг состоит исключительно в помощи тем, кто в командировке, и обсуждении происходящего там, у них. А строить самодостаточный и полноценный мироуклад здесь требует волевого усилия, и, хотя всё для этого у нас на самом деле есть, вы не готовы. Вам не удаётся наполнить своё существование иным смыслом кроме как борьба со злом, и Земля нужна вам как единственное место, где его можно найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.